

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видеоконференцсвязи на сервис-платформе ZOOM дисциплинарное производство в отношении адвоката Г. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 22 января 2021 года № ... (вх. № ... от 01.02.2021), основанному на жалобе С. от 27 июля 2020 года,

установил:

Квалификационная комиссия 12 мая 2021 года по большинству голосов (4/3/1) вынесла Заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Г. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 22 января 2021 года № ... (вх. № ... от 01.02.2021), основанному на жалобе С. от 27 июля 2020 года, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства

Представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е., извещённая надлежащим образом и своевременно получившая Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явилась, представила письменные возражения от 17 июня 2021 года на Заключение Квалификационной комиссии (вх. № ... от 17.06.2021) и заявила письменное ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства в её отсутствие (вх. № ... от 17.06.2021).

Адвокат Г., извещённая надлежащим образом и своевременно получившая Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явилась, заявила письменное ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства в её отсутствие (вх. № ... от 17.06.2021).

Совет, принимая во внимание вышеизложенные обстоятельства, с учётом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения,

рассмотрел дисциплинарное производство в отношении адвоката Г. в отсутствие неявившихся участников.

В письменных возражениях представителя Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е. исх. № ... от 17 июня 2021 года (вх. № ... от 17.06.2021) выражено несогласие с Заключением Квалификационной комиссии от 12 мая 2021 года и, со ссылкой на п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 3 ст. 19 и п. 14 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, высказано мнение о том, что Квалификационная комиссия самоустранилась от исполнения своих обязанностей по объективному рассмотрению представления, не установила фактические обстоятельства дела, а лишь ограничилась констатацией недопустимости представления в качестве допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства по причине отсутствия жалобы К. о разглашении сведений, составляющих адвокатскую тайну. В возражениях также отмечается, что разглашение адвокатом Г. сведений, составляющих адвокатскую тайну, когда о ее неправомерных действиях стало известно С. и другим лицам, может свидетельствовать о подрыве доверия к адвокату и адвокатуре, то есть, о нарушении адвокатом требований п.п. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, однако Квалификационная комиссия не дала оценку дисциплинарному обвинению в этой части.

Вывод в Заключении Квалификационной комиссии о невозможности использования обращения С. [*не являющейся доверителем адвоката Г. – примечание Совета*] в Министерство юстиции Российской Федерации в качестве основания для внесения представления о возбуждении дисциплинарного производства в отношении адвоката Г. в возражениях расценивается как не предусмотренное действующим законодательством ограничение полномочий территориального органа юстиции на внесение таких представлений. При этом в возражениях, со ссылкой на п.п. 6 и 7 ст. 17, п. 1 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката, пп. 44 п. 6 Положения о Главном управлении Министерства юстиции Российской Федерации по субъекту (субъектам) Российской Федерации, утвержденного приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 03 марта 2014 года № 25, отмечается, что представление является допустимым поводом для возбуждения дисциплинарного производства, поскольку оно внесено в Адвокатскую палату города Москвы органом государственной власти, уполномоченным в области адвокатуры, представление подписано правомочным лицом, содержит все необходимые реквизиты и соответствует всем требованиям к нему.

В возражениях делается вывод о том, что «заключение Квалификационной комиссии подлежит отмене как необоснованное и немотивированное», и содержится просьба направить дисциплинарное

производство в отношении адвоката Г. в Квалификационную комиссию для нового разбирательства.

Рассмотрев и обсудив дисциплинарное производство, письменные возражения Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве исх. № ... от 17 июня 2021 года (вх. № ... от 17.06.2021), Совет признаёт фактические обстоятельства правильно и полно установленными Квалификационной комиссией. В то же время Совет не соглашается с выводом Квалификационной комиссии, содержащимся в её Заключении, об основании прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката Г. Приходя к таким выводам, Совет исходит из следующего.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что поводом для направления Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Москве представления в Адвокатскую палату города Москвы о возбуждении дисциплинарного производства в отношении адвоката Г. явилась жалоба осужденной С. от 27 июля 2020 года, поступившая в Министерство юстиции Российской Федерации 03 августа 2020 года.

В данной жалобе осужденная С. указала на допущенное, по её мнению, нарушение адвокатом Г. требований о сохранности адвокатской тайны, доверенной ей гражданкой К., чьим защитником являлась адвокат Г. При этом сама С. доверителем адвоката Г. не являлась, каких-либо взаимоотношений между С. как автором жалобы в Министерство юстиции Российской Федерации и адвокатом Г., которые могли бы рассматриваться как правоотношения адвокат–доверитель, не существовало.

Материалами дисциплинарного производства установлено, что адвокат Г. в соответствии с заключенным 18 июля 2018 года Соглашением об оказании юридической помощи № ... осуществляла по уголовному делу № ... защиту гражданки К., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159 УК РФ. Расследование данного дела осуществляла С., занимавшая на тот момент должность следователя Следственного управления УВД по ... ГУ МВД России по городу Москве.

В ходе расследования уголовного дела в отношении К. следователь С. стала требовать, сначала через ее защитника – адвоката Г., а затем и лично от обвиняемой К. и её мужа В., взятку в размере 300 000 рублей за непривлечение В. к уголовной ответственности.

За совершение данных действий в отношении следователя С. было возбуждено уголовное дело, поводом для возбуждения которого явилось заявление К. и членов её семьи в правоохранительные органы о вымогательстве у них следователем С. взятки в размере 300 000 рублей.

Приговором Г. районного суда города М. от 02 сентября 2019 года С. была признана виновной в получении ею как должностным лицом взятки в виде денег за совершение действий в пользу взяткодателя, совершенное в крупном размере и с вымогательством взятки, то есть в совершении преступления, предусмотренного пп. «б», «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ, и ей было

назначено наказание в виде лишения свободы на срок 7 (семь) с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима, со штрафом в размере десятикратной суммы взятки, что составляет 3 000 000 рублей, с лишением права занимать должности в органах внутренних дел, связанные с осуществлением функций представителя власти, сроком на 2 (два) года. Этим же приговором С. была лишена специального звания – «старший лейтенант юстиции».

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам М. городского суда от 29 июня 2020 года приговор Г. районного суда города М. от 02 сентября 2019 года в отношении С. был изменен в части назначенного ей по п. «б», «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ наказания в виде лишения свободы, которое было смягчено с применением ст. 64 УК РФ до 6 лет 6 месяцев. В остальной части приговор был оставлен без изменения, апелляционные жалобы без удовлетворения.

Как следует из указанного приговора, первичное требование С. о передаче взятки было передано адвокату Г. как защитнику К. в ходе выполнения следственных действий с последней. Эти обстоятельства явились основанием и предметом допроса адвоката Г. как на стадии предварительного следствия, так и в ходе судебного разбирательства.

Адвокат Г. в уголовном деле в отношении С. какого-либо профессионального участия не принимала. Вызов её на допрос по данному делу был обусловлен тем, что именно через неё следователем С. впервые было передано требование, адресованное К., о передаче С. взятки.

Установив изложенные фактические обстоятельства, Квалификационная комиссия пришла к выводу об отсутствии допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства, указав, что *«юридическая и нравственная природа адвокатской тайны имеет безусловную связь с формированием правоотношений исключительно между адвокатом и доверителем, так как единственным «владельцем» адвокатской тайны является сам доверитель»*.

В обоснование этого вывода Квалификационная комиссия сослалась на п. 1 ст. 8 Федерального закона № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в соответствии с которым к адвокатской тайне относятся любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю. Согласно пункту 2 ст. 6.1 Кодекса профессиональной этики адвоката при решении вопроса, связанного с сохранением адвокатской тайны, под доверителем понимается любое лицо, доверившее адвокату сведения личного характера в целях оказания юридической помощи. Данное утверждение находится во взаимосвязи с положениями п. 3 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающими исключительное полномочие доверителя освободить адвоката от обязанности хранить профессиональную тайну.

Квалификационная комиссия также сослалась в Заключении на Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 06 марта 2003 года № 108-О «По жалобе гражданина Цицкишвили Г.В. на

нарушения его конституционных прав пунктом 2 части 3 ст. 56 УПК РФ», в котором указано, что защита сведений, составляющих адвокатскую тайну, направлена исключительно на сведения, доверенные адвокату при выполнении им профессиональных функций. При этом возможность разглашения указанных сведений, в том числе через допрос адвоката, возможен исключительно в случаях, когда сам адвокат и его подзащитный заинтересованы в оглашении тех или иных сведений. При этом Квалификационная комиссия обратила внимание на то, что в изложенной правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации речь во всех случаях идет о мнении исключительно самого адвоката и защищаемого им лица, и не предусматривается принятие во внимание мнения каких-либо третьих лиц по этому поводу.

Помимо этого, Квалификационная комиссия в обоснование своей позиции сослалась на международно-правовые нормы, касающиеся гарантии конфиденциальности отношений адвоката с доверителем как необходимой составляющей права на получение квалифицированной юридической помощи - одного из основных прав человека (п. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. ст. 5 и 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод). Комиссия также сослалась на Кодекс поведения для юристов в Европейском сообществе (принят 28 октября 1988 года Советом коллегий адвокатов и юридических сообществ Европейского союза в Страсбурге), который относит к существенным признакам адвокатской деятельности обеспечение именно клиенту условий, при которых он может свободно сообщать адвокату сведения, которые не сообщил бы другим лицам, и сохранение адвокатом как получателем информации ее конфиденциальности, поскольку без уверенности в конфиденциальности не может быть доверия; требованием конфиденциальности определяются права и обязанности юриста, имеющие фундаментальное значение для его профессиональной деятельности; юрист должен соблюдать конфиденциальность в отношении всей информации, предоставленной ему самим клиентом или полученной им относительно его клиента в ходе предоставления юридических услуг; при этом обязательства, связанные с конфиденциальностью, не ограничены во времени (пункт 2.3).

Согласно Основным принципам, касающимся роли юристов (приняты 7 сентября 1990 года восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями), правительствам надлежит признавать и обеспечивать конфиденциальный характер любых консультаций и отношений, складывающихся между юристами и их клиентами в процессе оказания профессиональной юридической помощи.

Квалификационная комиссия признала установленным, что автор жалобы в Министерство юстиции Российской Федерации С. не являлась доверителем адвоката Г. в соответствии с положениями п. 2 ст. 6.1 Кодекса профессиональной этики адвоката, что исключает какую-либо

возможность для неё выдвигать дисциплинарные обвинения о разглашении адвокатом Г. сведений, содержащих адвокатскую тайну, принадлежащую иному лицу, в частности, гражданке К. Сама же гражданка К. каких-либо претензий в адрес адвоката Г. в этой части не заявляла.

По этим причинам Квалификационная комиссия пришла к выводу о том, что *«в данном дисциплинарном деле представление Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве не может рассматриваться как безусловно допустимый повод для возбуждения дисциплинарного производства только при выполнении условия о соблюдении процессуально-правовой формы, реализованной в виде составления обращения в виде письменного документа – представления. Для формирования безусловного вывода о допустимости повода для возбуждения дисциплинарного производства представление должно основываться на допустимом материально-правовом основании. Несоблюдение этого положения привело Квалификационную комиссию к выводу об отсутствии в данном случае допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства».*

По мнению Квалификационной комиссии, у заявителя жалобы в Министерство юстиции РФ С. не имелось никаких правовых оснований требовать от адвоката Г. соблюдения сохранности сведений, доверенных ей иным лицом, равно как не имелось у С. законных оснований для подтверждения адвокатом Г. в ходе её допроса наличия или отсутствия у неё письменного разрешения на разглашение сведений, составляющих адвокатскую тайну доверительницы К. В этой связи Квалификационная комиссия сослалась на известную максиму Дигестов Юстиниана – *«Nemo plus iuris ad alium transfert potest quam ipse haberet» (D. 50.17.54) – «Никто не может передать другому больше прав, чем имеет сам».*

Квалификационная комиссия отдельно отметила, что на её вывод не может повлиять наличие или отсутствие в материалах уголовного дела в отношении С. какого-либо письменного документа об освобождении адвоката Г. доверителем К. от обязанности сохранения адвокатской тайны, так как наличие или отсутствие такого письменного разрешения имеет правовое значение только в случае наличия жалобы о разглашении сведений, составляющих адвокатскую тайну, от самого доверителя адвоката, которым в данном случае является К., а не С. Сама К. с подобной жалобой в уполномоченные органы не обращалась, по уголовному делу в отношении С. В статусе подозреваемой, обвиняемой не имела, в связи с чем требования п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК РФ на ситуацию, связанную с допросом адвоката Г. по уголовному делу в отношении С., не распространяются.

Совет признаёт обоснованными доводы, изложенные в письменных возражениях Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве от 17 июня 2021 года на Заключение Квалификационной комиссии (вх. № ... от 17.06.2021), о том, что представление о возбуждении дисциплинарного производства в

отношении адвоката Г. соответствует требованиям к допустимому поводу для возбуждения дисциплинарного производства, предусмотренным ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката. По этой причине Совет не соглашается с выводом Квалификационной комиссии об обнаружившемся отсутствии допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства и полагает необходимым дать оценку выдвинутым в отношении адвоката Г. дисциплинарных обвинений по существу. Вместе с тем, Совет, не подвергая сомнению полномочия Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве по внесению в Адвокатскую палату города Москвы представлений о возбуждении дисциплинарного производства в отношении адвокатов, обращает внимание на то, что в основе таких представлений ожидается наличие не только формальных оснований, но и охраняемого законом публичного интереса. Частные же интересы лица, к тому же злоупотребляющего правом на обращение с жалобой, не должны подлежать защите путём внесения органом юстиции представления о возбуждении дисциплинарного производства в отношении адвоката.

Что касается доводов тех же письменных возражений Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве об уклонении Квалификационной комиссии от проведения разбирательства по существу выдвинутых в отношении адвоката Г. дисциплинарных обвинений, Совет не находит их убедительными и не может с ними согласиться. Совет полагает, что данное дисциплинарное производство рассмотрено Квалификационной комиссией объективно, с соблюдением всех требований ст. ст. 19, 23 Кодекса профессиональной этики адвоката. Фактические обстоятельства установлены Комиссией с достаточной полнотой и достоверностью, никем из участников дисциплинарного производства они не оспариваются. При этом в полной мере реализованы принципы равенства и состязательности, в том числе, обеспечены права участников дисциплинарного производства на представление и оценку доказательств, а также на обоснование своей позиции по дисциплинарному делу. По этой причине Совет не находит оснований для направления дисциплинарного производства Квалификационной комиссии для нового разбирательства.

Соглашаясь с приведённой выше оценкой Квалификационной комиссией характера взаимоотношений между адвокатом Г. и её доверителем К., с одной стороны, и автором жалобы в Министерство юстиции РФ С., с другой стороны, Совет приходит к выводу об отсутствии в действиях адвоката Г. дисциплинарного проступка. Поскольку С. никогда не являлась доверителем адвоката Г. и, следовательно, не вправе требовать от неё соблюдения адвокатской тайны, а К., являющаяся доверителем адвоката Г., каких-либо претензий к ней, связанных с разглашением адвокатской тайны, не выдвигает, отсутствуют правовые и профессионально-этические основания для признания дисциплинарного

нарушения в действиях адвоката Г., выразившихся в даче ею свидетельских показаний против С. и в интересах К.

По изложенным выше основаниям Совет признаёт, что Квалификационная комиссия, правильно установив фактические обстоятельства, допустила ошибку в толковании норм Кодекса профессиональной этики адвоката при избрании основания прекращения дисциплинарного производства, и считает необходимым, вопреки Заклучению Квалификационной комиссии, прекратить дисциплинарное производство адвоката Г. по основанию, предусмотренному пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката – вследствие отсутствия в ее действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Прекратить дисциплинарное производство, возбуждённое в отношении адвоката Г. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 22 января 2021 года № ... (вх. № ... от 01.02.2021), основанному на жалобе С. от 27 июля 2020 года, вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

И.А. Поляков